

ЭКСПРЕССИВНО-ОЦЕНОЧНАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ В ГОВОРАХ МОГИЛЕВСКО-СМОЛЕНСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ

Настоящая работа в определённом смысле дань памяти Власа Платоновича Жукова, который впервые дал развёрнутое описание оценочного значения как одного из основных интегральных (смыслообъединяющих) признаков фразеологизма (Жуков 1978: 57-69). Исследование экспрессивно-оценочной фразеологии проводится на диалектном материале могилевско-смоленского пограничья, изучением которого авторы занимаются уже почти четверть века.

Территория могилёвско-смоленского пограничного региона находится на пересечении генетически родственных языков и культур. Геополитические сдвиги в результате многовекового противостояния Великого княжества Литовского (затем Речи Посполитой) и Московского государства, смешанный белорусско-русский этнический состав населения, специфика социально-экономических и культурных связей, языковых контактов – все эти факторы предопределили формирование на данной территории единого этнолингвистического региона, в пределах которого исторически сложились относительно однородные говоры. Эти говоры мы квалифицируем как переходные: они возникли в результате интерференции, при которой на язык-основу (русскую, белорусскую) «наслаиваются» системные отношения другого языка, причём доминантные системные показатели белорусского языка постепенно ослабевают по мере его продвижения на восток, а показатели русского языка – при его продвижении на запад. Вполне очевидно, что в говорах могилёвско-смоленского пограничья (МСП) на всех уровнях языка органически сочетаются, образуя единое целое, белорусские и русские языковые элементы.

В системе говоров МСП наряду с диалектными словами широко представлена диалектная фразеология. Сюда мы относим устойчивые сочетания с некротическими элементами и с компонентами, созвучными диалектным словам, а также фразеологические единицы (ФЕ) с диалектным значением. Характерная особенность фразеологизмов МСП, как, впрочем, и диалектной фразеологии вообще, – их ярко выраженная образно-эмоциональная окраска. Эмоционально окрашенные фразеологические обороты в силу своей экспрессивности употребляются, как правило, для оценочной характеристики поведения человека, его свойств, качеств, действий. Общеизвестно, что поведение тесно связано с обычаями, традициями,

ритуалами каждого народа, поэтому фразеологизмы поведения говоров МСП в определённом смысле отражают особенности восточнославянского менталитета.

Поддавляющее большинство экспрессивно-оценочных фразеологизмов МСП содержит негативную коннотацию, что, на наш взгляд, объясняется, с одной стороны, свойством человеческой природы остро реагировать на всё плохое и редко замечать хорошее (не по этой ли причине у нас на каждом шагу встречается «книга жалоб», а «книгу благодарностей» можно найти разве что в музее). С другой стороны, во фразеологизмах поведения народ выражает своё негативное отношение к таким человеческим порокам, как пьянство, агрессивность, лень, зависть, спесь, сквернословие, лесть и др. Следует отметить, что преобладание негативной экспрессии характерно и для русских слов. Вот что по этому поводу пишет известный лексиколог Д.Н.Шмелёв: «Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в словах, в которых экспрессивная оценка выражена не специальными средствами (ср. *старик* – *старичок* – *старичок*; *старушка* – *старушечка*; *дуралей* – *дурень*; *глупыш* – *глупец* и т.п.) прослеживается главным образом отрицательная экспрессия, именно её отражает достаточно дифференцированная система помет в словарях. Между тем для отражения положительной экспрессии, по существу, и нет помет, если не считать пометы «ласкательное», применяемой в редких случаях, да и то не во всех словарях. Пометами же отрицательными – «несдобрительное», «презрительное», «уничтожительное», «пренебрежительное», указывающими на то, что значения слов осложнены именно отрицательными экспрессивными элементами, отмечено большое количество слов (Шмелёв 1977: 165-166).

Экспрессивно-оценочные фразеологизмы поведения МСП образуют семантическое поле, в котором на основе ассоциативно-образной близости выделяются различные семантические группы: а) ФЕ, отражающие трудовое поведение людей со значением «бездельничать»: *балды бить*; б) ФЕ, отражающие речевое обхождение: *городить верзю*, (*дурню, дурню*) – *пустословить*; *баламутку пускать* «сплетничать»; в) ФЕ, отражающие агрессивное поведение: *вязы (вязья) свернуть* «сильно избить, исколечить»; г) ФЕ, отражающие людскую зависть, спесь, гордыню: *дыбарем стоять (становиться)* «вести себя заносчиво»; д) ФЕ, отражающие пристрастие к пьянству, выпивке: *цмькать гарзлку*; е) ФЕ, отражающие распутное поведение: *пойти в загульни (забегульки)* и др. Незначительную группу составляют ФЕ положительной коннотации: *иметь стыд на белье* – с совестливых людей.

Остановимся на анализе первой в нашей классификации семантической группы – ФЕ со значением «бездельничать». Как отмечает известный лингвистолог В.Н.Телия, «характерологической чертой славянского менталитета является установка на трудовую деятельность, которая в библейской формулировке предписывает «трудиться в поте лица», чтобы пожнать плоды труда своего. Поэтому содержание позитивной культурно-национальной коннотации ФЕ ориентировано на активную плодотворную трудовую деятельность, ср. русск. *во в руках горит*, белор. *рукі гараць ад работы*. Коннотация ФЕ «бездельничать» обусловлена нарушениями характерологической установки на плодотворную трудовую деятельность (Телия 1996: 231).

Синонимический ряд рассматриваемой семантической группы включает фразеологизмы, однотипные по структуре, представляющие собой сочетание глагола и имени существительного. Поддавляющее большинство из них построено по модели «стержневой компонент *бить* + существительное во множественном числе»: *байды (байдиди) бить*, *балды бить*, *балу бить*, *бизики бить*, *баклонки бить*, *бэсталы бить*, *брынды (блынды, рынды) бить*, *дрынды (дрынки) бить*, *глузды бить*, напр.: *Байды бить – то жичаево ни дельти*. (Любавичи, Мон. Смл.). *Дет мой усё балды биу: то на рёбу жадуу, то веники ў гайку виضاу, а работа стаить*. (Ст. Дедин, Клим. Мгл.). *Ужо сёння наработылася, хопить. Шчас буду балу бить*. (Тростино, Хот. Мгл.). *Ну кольки ж можна брынды бить? Я ж старая ўжо, ни магу я адна воз еты везти* (Елквэц, Хот., Мгл.). *Гудувала я сына свайго адна, думала, памочник будить, а ён за работы ня хочить, цэлыми днями баклонки бье*. (Соино, Хисл. Смл.). Белорусский фразеолог И.Я.Лепешев считает эту модель довольно продуктивной в восточнославянских языках и в подтверждение приводит аналогичные ФЕ в белорусском, украинском и русском языках (Лепешев 1981: 23), другой белорусский учёный А.С.Аксамитов отмечает указанную модель среди белорусско-русских изобразительных компонентов [Аксамитов 1978: 209]. ФЕ иных моделей в пределах сочетания «глагол + имя существительное» единичны: *комы тереть*, *балду гонять*, *гулькики справлять*, *гули править*, *збать луня*, *лягушкам глаз колоть*, *бить долблю*. Примеры: *Када хто дельнить пустую работу, у нас гаворять – бьеть даўню*. (Соино, Хисл. Смл.). *Будя ўжо табе балду ганять, иди з батькам бульбу скардзіць*. (Звенчатка, Клим. Мгл.). *Унучка мая, Галька, толька гули править, бегить па вулицы ды на рэчку*. (Еловец, Хот. Мгл.). *Хопить ўжо вам, хлопцы, гулькики справлять*.

аддыхнули пысла армии — идитя, працуйтя. (Липовка, Хот. Мгл.) *Что ш ты глаз лягушкам: колиш, лепий брату сена класци памаги* (Шамово, Мст. Мгл.). Особняком стоит фразеологизм *гульма гулять*, построенный на тавтологическом сочетании однокорневых слов: *Мужуки шчас работыть ня хочуть, пьют, гульма гуляють*. (Понятовка, Шум. Смл.)

Стержневым компонентом ФЕ семантической группы «бездельничать» является глагол, поэтому во всех приведенных контекстах-иллюстрациях ФЕ употребляются в функции сказуемого. Смыслообразующим центром выступает диалектный именной компонент. Если смыслообразующий компонент фразеологизма семантически соотносится с созвучным словом свободного употребления, можно проследить общее направление процесса формирования (фразеологизации) ФЕ, определить мотивацию образования устойчивого сочетания.

Как известно, фразеологизмы формируются на базе свободных словосочетаний в результате метафорического переосмысления последних. Многие ФЕ анализируемой семантической группы генетически восходят к свободному словосочетанию, построенному по модели «*глагол бить + имя существительное во множ. числе*». По этой модели построена русская изобразительная фразема «*бить баклуши*», процесс формирования которой весьма показателен. В Толковом словаре В.И. Даля приводится исходное значение слова *баклуша* — «чурка, болван, приготовленный для токарной выделки щепеной посуды, чашки, стояка, ложки». Далее отмечается: «Бить баклуши, готовить болваны эти, складывать негодную в деле блонь, скалывать горбыльки, притесывать баклуши вчерне; этим занимаются лесники, а выделкой посуды — токари и ложкари; у первых из баклуши ничего не выходит, почему *бить баклуши* — шататься без дела, повесничать, заниматься шалью» [Даль 1955: I, 40]. Нетрудно заметить, что фразеологизация свободного словосочетания *бить баклуши* включает 3 этапа: обычная работа (исходное значение свободного словосочетания) → пустая непроизводительная работа (семантический сдвиг: сужение исходного значения) → безделье (образно-метафорическое значение). Сущность фразеологизации заключается в том, что на нейтральную характеристику труда наслаивается «поведенческая» характеристика с негативно-оценочным значением, в результате чего исходное значение труда превращается в свою противоположность — бездельничанье. Мотивация образования фразеологизма *бить баклуши* может быть выражена формулой: «заниматься мелким, непроизводительным делом → бездельничать».

Фразеологизмы МСП со значением «бездельничать», построенные по модели «*бить + имя существительное во множ. числе*», возникли аналогичным путем, хотя исходное значение свободного словосочетания, мотивирующего образование той или иной ФЕ, семантический сдвиг, образно-метафорическое переосмысление могут быть различными. ФЕ *брынды бить* в белорусский язык и в говоры МСП проникла из условно-профессионального языка ремесленников-шерстобитов (шаповалов), где *брындой* назывался инструмент, которым отбивали сложенную слоями шерсть при изготовлении войлока. Шаповальский промысел был примитивным, трудовые операции не требовали значительных физических затрат, поэтому в сознании окружающих такие действия приравнивались к бездействию, «ничего неделанию». ФЕ *байды (байдики) бить* включает, по мнению И.Я. Лепешева, устаревшие наименования речных судов на Днестре и его притоках (*байд, байдик*), что подтверждается сохранившимся в говорах МСП словом *байд* «рыбачья лодка». Работа на них людей, нанятых на период навигации, казалась легким делом, пустяковым занятием тем, кто на это время оставался один вести крестьянское хозяйство. В этой этимологической версии, предложенной И.Я. Лепешевым, просматривается мотивация образования фразеологизма: «выполнять легкую работу, не требующую физических усилий → бездельничать». Субстантивный компонент ФЕ *бить балуи* имеет созвучное слово свободного употребления в смоленских говорах: здесь *балуём* называют глупых, умственно отсталых мужчин. Отсюда мотивация образования фразеологизма: «ничего не делать по причине умственной отсталости → бездельничать». Субстантивный компонент ФЕ *бить баклонки*, по всей вероятности, является диалектным словообразовательным вариантом компонента *баклуши*. Следовательно, мотивация образования ФЕ *бить баклонки* аналогична приведенной выше мотивации образования русской изобразительной фраземы.

ФЕ, построенные по иным моделям, имеют значение «делать пустую, бесполезную работу» (*бить должно, лягушкам глаз колоть*), «споняться без дела» (*балуу гонять*), «вести разгульный, праздный образ жизни» (*гулятики справлять, гули править*). В ФЕ *балуу гонять* отражено активное действие, направленное на бессельное перемещение объекта, в ФЕ *лягушкам глаз колоть* — активное физическое воздействие на объект с пагубным результатом (ср. русск. *быкам хвосты крутить*).

ФЕ анализируемой семантической группы отражают негативное отношение к безделью, свойственное славянскому менталитету, осуждение откровенного пассивного бездействия. Лингвокультурологи счита-

ют, что осуждение или пренебрежительное отношение к безделью – общечеловеческая универсалия, но её языковое воплощение во фразеологизмах зависит от характерного для данной культурно-языковой общности мировидения.

1. Жуков, В.П. Семантика фразеологических оборотов / В.П.Жуков. – М., 1978. – 160 с.
2. Шмелёв, Д.Н. Современный русский язык: лексика / Д.Н.Шмелёв. – М., 1977. – 336 с.
3. Телия, В.Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В.Н.Телия. – М., 1996. – 288 с.
4. Лепешаў, А.С. Этымалагічны слоўнік фразеалагізмаў / А.С.Лепешаў. – Мінск, 1981. – 160 с.
5. Аксамітаў, А.С. Беларуская фразеалогія / А.С.Аksamітаў. – Мінск, 1978. – 224 с.
6. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка / В.И.Даль. – Т.1-4. – М., 1955.